

КРАСНЫЕ ЛАПТИ.

Разсказъ И. А. Бунина.

Пятый день несло непроглядной вьюгой. Въ бѣдномъ и холодномъ хуторскомъ домѣ стоялъ блѣдный сумракъ и было большое горе: былъ тяжело боленъ ребенокъ. И въ жару, въ бреду онъ часто плакалъ и все просилъ дать ему какіе-то красные лапти. И мать, не отходящая отъ постели, гдѣ онъ лежалъ, тоже плакала горькими слезами, отъ страха и отъ своей беспомощности. Что сдѣлать, чѣмъ помочь? Мужъ въ отъѣздѣ, лошади плохія, а до больницы, до доктора тридцать верстъ, да и не поѣдетъ никакой докторъ въ такую страсть...

Стукнуло въ прихожей, — Нефедъ принесъ соломы на топку, свалилъ ее на полъ и, отдуваясь, утираясь, дыша холодомъ и вьюжной свѣжестью, пріотворилъ дверь, заглянулъ:

— Ну что, барыня, какъ? Не легчало?

— Куда тамъ, Нефедушка! Вѣрно, и не выживетъ!

И голосъ осѣкся и опять въ слезы. Потомъ шопотомъ:

— Всю душу вынулъ... Все какіе-то красные лапти просить...

— Лапти? Что за лапти такіе?

— А Господь его знаетъ... Бредитъ, конечно, весь огнемъ горитъ... Мотнулъ шапкой, задумался. Шапка, борода, старый полушубокъ, разбитые валенки, — все въ снѣгу, все обмерзло. И вдругъ совсѣмъ неожиданно и твердо:

— Значить, надо добывать. Значить, душа желаетъ. Бредъ, барыня, бредомъ, а, значить, душа просить. Надо добывать.

— Какъ добывать? Откуда? — Въ Новоселки, на деревню итти. Въ лавку. Покрасить фуксиномъ нѣ хитрое дѣло.

— Богъ съ тобой, до Новоселокъ шесть верстъ! Гдѣ-жъ въ такой ужасъ дойти!

Еще подумаль.

— Нѣтъ, пойду. Ничего, пойду. Доѣхать не доѣдешь, а пѣшкомъ, можетъ, ничего. Она будетъ мнѣ въ задъ, пыль-то...

И, притворивъ дверь, ушелъ. А на кухнѣ, ни слова не говоря, натянулъ зипунъ поверхъ полушубка, туго подпоясался старой подпояской, взялъ въ руки кнутъ и вышелъ вонъ, пошелъ, утопая, по сугробамъ черезъ дворъ, выбрался за ворота и пото-

нулъ въ бѣломъ, куда-то бѣшено несущемся степномъ морѣ.

Пообѣдали, стало смеркаться, смерклось — Нефедъ не было. Рѣшили, что, значить, ночевать остался, если Богъ донесетъ. Обыденкой въ такую погоду не вернешься. Надо ждть завтра не раньше обѣда. Но оттого, что его все таки не было, ночь была еще страшнѣе. Весь домъ гудѣлъ, ужасала одна мысль, что теперь тамъ, наружи, въ полѣ, въ безднѣ снѣжнаго урагана и мрака. Сильная свѣча пылала дрожащимъ хмурымъ пламенемъ. Мать поставила ее на полъ, за отвалъ кровати. Ребенокъ лежалъ въ тѣни, но стѣна казалась ему огненной и вся бѣжала причудливыми, несказанно великолѣпными и грозными видѣніями. А порой онъ какъ-будто приходилъ въ себя и тотчасъ же начиналъ горько и жалобно плакать, умоляя (и какъ будто вполне разумно) дать ему красные лапти:

— Мамочка, дай! Мамочка дорогая, ну что тебѣ стоитъ!

И мать кидалась на колѣни и била себя въ грудь:

— Господи помоги! Господи защити!

А когда наконецъ разсвѣло, слышалось подъ окнами сквозь гулъ и грохотъ вьюги уже совсѣмъ явственно, совсѣмъ не такъ, какъ всю ночь мерещилось, что кто-то подѣхалъ, что раздаются чьи-то глухіе голоса, а затѣмъ торопливый, зловѣщій стукъ въ окно.

Это были новосельскіе мужики, привезшіе мертвое тѣло, — бѣлаго, мерзлаго, всего забитаго снѣгомъ, навзничъ лежавшаго въ розвальняхъ Нефедъ. Мужики ѣхали изъ города, сами всю ночь плутали, а на разсвѣтѣ свалились въ какіе-то луга, потонули вмѣстѣ съ лошадыю въ страшный снѣгъ и совсѣмъ было отчаялись, рѣшили пропадать, какъ вдругъ увидели торчашія изъ снѣга чьи-то ноги въ валенкахъ. Кинулись разгребать снѣгъ, подняли тѣло — оказывается, знакомый человѣкъ...

Тѣмъ только и спаслись — поняли, что, значить, эти луга хуторскіе, протасовскіе, и что на горѣ, въ двухъ шагахъ, жилье...

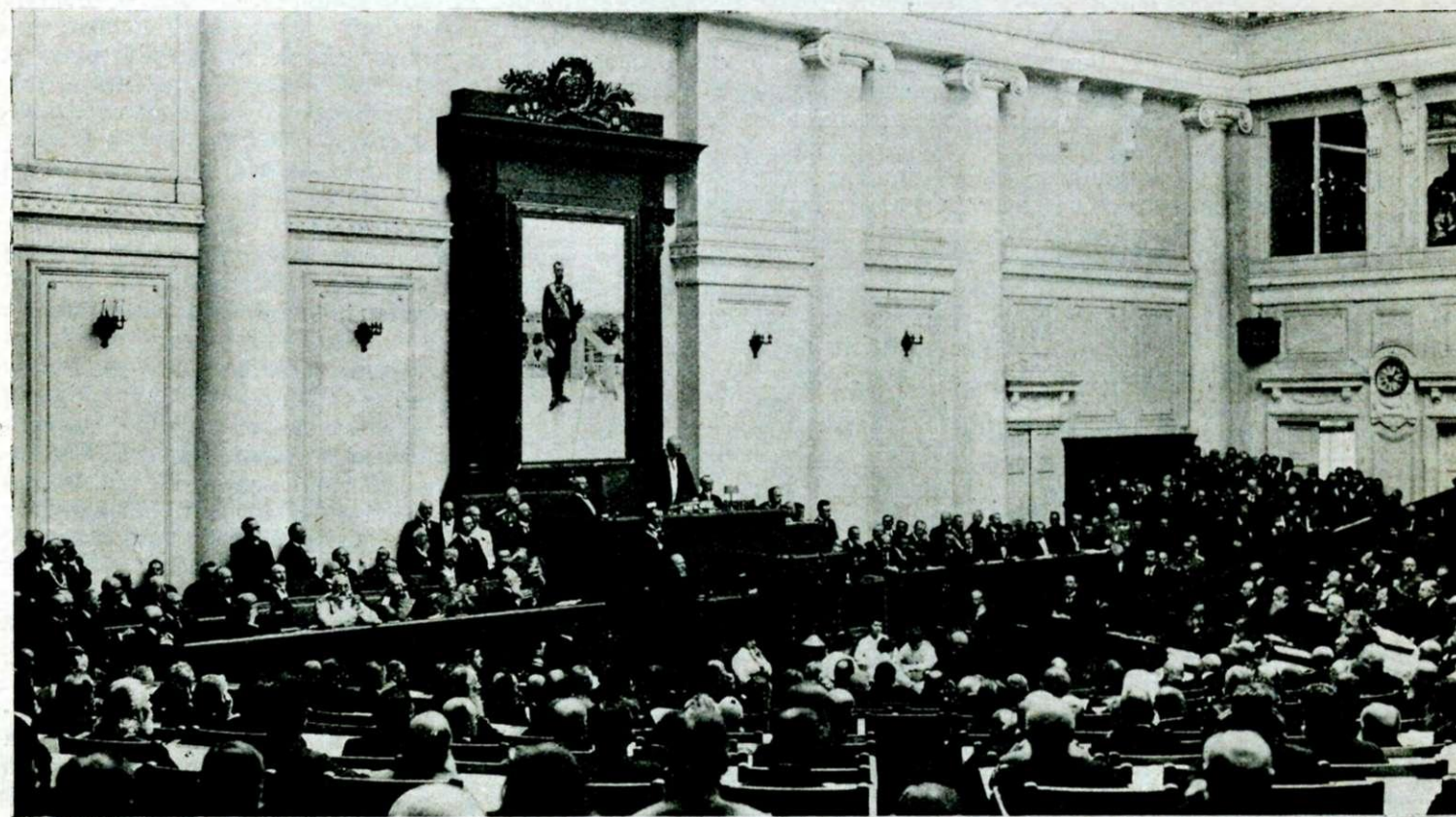
За пазухой Нефедъ лежали новенькіе ребячьи лапти и пузырекъ съ фуксиномъ.

Ив. Бунинъ.

Французскіе делегаты Альбертъ Тома и Вивіани въ ставкѣ. Государь пожимаетъ руку Альберту Тома. Направо отъ него Вивіани, направо — ген. Алексѣевъ.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ.

26 июля 1915 г. Засѣданіе Гос. Думы. Декларация П. П. Горемыкина. Зарожденіе прогрессивнаго блока. На предѣлательскомъ мѣстѣ М. В. Родзянко. Въ правительственной ложѣ (справа направо) П. П. Горемыкинъ, бар. Фредериксъ, ген. Подивановъ, адм. Григоровичъ, А. В. Кривошеинъ и др.

КАКЪ Я НЕ УКРАЛЪ

очеркъ К. Д. Бальмонта.

Москва 1920-го года. Кто ее зналъ, сателетей и ученыхъ, семнадцать летъ тому не нужно никакихъ описаній. Онъ ее не забудетъ. Кто ее не зналъ, зываемый профессорскій паекъ. Я былъ тотъ ничего не пойметъ изъ моихъ словъ. И мало у меня сейчасъ словъ, чтобъ говорить.

Ранняя весна. Сколько истомнаго очарованія въ мартовскомъ вѣтрѣ! Онъ тѣмъ сильнѣе зоветъ вдаль, чѣмъ явственнѣе знаешь и видишь, что ты прикованъ къ данному мѣсту и отовсюду окруженъ препятствіями, угрозамъ, нуждой и злополучіями. Я изнемогалъ, но вѣрилъ, однако, вопреки всякимъ вѣроятіямъ, что меня выпустятъ за границу. Почему вѣрилъ? Потому что очень этого хотѣлъ. Когда хочешь чего-нибудь всѣми силами души, въ сердцѣ возникаетъ стальная упругость и тайно воспринимаешь всѣ примѣты, и самое Солнце, и весенній вѣтеръ, своими соучастниками.

Мнѣ только что назначили паекъ. Это было тоже вопреки всякимъ вѣроятіямъ. Соответствующія учрежденія, точнѣе, лица, ими завѣдующія, выдѣлили изъ многихъ чиселъ пи-

ства въ уродливыхъ условіяхъ жизни изъ неестественныхъ становятся вполне правильными и естественными.

Нужно идти за пайкомъ. А идти надо съ Арбата чуть не черезъ всю Москву, къ далекой заставѣ за Красными Воротами. Одна изъ тѣхъ, что вмѣстѣ со мною таяли и чахли въ скудной нашей жизни, вызвалась сопровождать меня, чтобы на обратномъ пути помогать мнѣ нести домой драгоценный грузъ сѣдобы. Сердце у меня двояко слабое, и я охотно на это согласился. Мы вышли раннимъ утромъ, чтобъ поспѣть къ указанному сроку, въ одиннадцать часовъ утра.

Утро было свѣжее. Вчера подтаявшая земля подмерзла, хотя Солнце грѣло сильно, несмотря на ранній часъ. Весело было мнѣ ступать по московскимъ улицамъ въ своихъ неправдоподобныхъ зеленыхъ валенкахъ. Зеленыхъ, правда, не какъ изумрудъ, но какъ сукно ломбернаго стола, за которымъ не одна была разыграна колода картъ. Такъ вѣдь оно и было. Незадолго передъ этимъ, я ночью утопилъ въ глубокомъ сугробѣ свои калоши, ходилъ безъ оныхъ, простудился почти смертельно, и слегъ. И нѣкоторая сердобольная да-